

Поэт закрылся в небоскрёбе
и пишет, пишет про Итаку.
Поэт спускается в подземку,
как в царство старого Аида.
Поэт в Ашан устало едет
за золотым руном под вечер.
Он помнит, что вчера спилили
последний тополь у заправки...
Поэту хочется на волю –
где свежий воздух, земляника
растёт на солнечном пригорке,
где соловьи поют и небо
на луг ложится облаками.
Но держат провода и трубы,
и интернет, и теплотрасса,
и лампочки, и холодильник.
Поэт не знает: на пригорке
давно стоит торговый центр
и соловьи остались нынче
лишь на халате бабы Ньюры.
...А корабли плывут в Итаку
и океан без пятен нефти,
и волны не колышут пластик...
Три тыщи лет до небоскрёбов...
И Сцилла и Харибда снова
ждут у пролива, затаясь.

КАК МУЖИК КОРЫТО ПРОДАВАЛ

Не солоно хлебавши, не евши киселя,
Разбитое корыто тащил на рынок я.
Дорога пролегала моя через пустырь,
Была пивная слева, а справа – монастырь.

То было до рассвета, часов, наверно, в пять.
Шёл, песню напевая, и не хотелось спать.
Но вдруг костёр заметил у стен монастыря.
Сидели там четыре какие-то хмыря.

Хотел пройти я мимо, но только вот беда –
Мне тот, что в центре, крикнул: «Поди-ка ты сюда!»
Спасись я думал бегством, задавши стрелача,
Но убежать не смог бы, корыто волоча.

Ну, думаю, фортуна, меня не подведи.
Стучало глухо сердце в испуганной груди.
Я подошёл к тем людям, сказал: «Друзья, привет». –
«Присядь, братишка, с нами, – услышал я в ответ. –

Куда идёшь, поведай, ты в этот ранний час». –
«Несу на торг корыто», – таков был мой рассказ.
Все были в капюшонах, и лиц не разобрать,
А вместо ног копыта – я начал замечать.

«Дружище, выпей с нами, совсем, поди, замёрз», –
Сказал один из этих и рюмку преподнёс.
Я выпил водку залпом и хлебом закусил.
«В игру сыграть желаешь? – тут чёрт меня спросил. –

Загадку загадаю, ответишь верно мне,
Я выкуплю корыто по выгодной цене.
А если не ответишь, его подаришь нам». –
Я тут же согласился и накатил сто грамм.

Не то чтоб я загадки разгадывать мастак,
Но что осталось делать, раз всё пошло не так.
«Что легче, чем снежинка, быстрее, чем картечь,
Как солнце оживляет и ранит словно меч.

Летает, но без крыльев, но можно и сдержать –
Такую вот загадку попробуй отгадать». –
В ушах моих шумело, кружилась голова.
В уме перебирал я различные слова.

В костре трещали сучья, клубился сизый дым...
Да ну это корыто, остаться бы живым.
Но вдруг пришло решение, как после тьмы рассвет:
«Отгадка – это слово», – озвучил я ответ.

«Ну что ж, давай корыто и денежки бери», –
Сдержали слово черти и кинули рубли.
...Потух костёр, и солнце взошло из-за стены.
С лучом его исчезла прислуга сатаны.

Сидел я без движенья, как громом поражён.
Но вскоре от спиртного меня сморило в сон.
Проснулся только к ночи в квартире у себя.
Жена сидела рядом, ругаясь и вопя.

Всегда она, мол, знала, я сволочь и дебил.
Корыто снёс на точку, а денежки пропил.
Сказала, что соседи меня приволокли.
Лежал мертвецки пьяный на улице в пыли.

Порылся я в карманах, скрывая в сердце злость.
Не обманули черти, нашёл монеток горсть.
И пусть жена не верит и говорит: «Ты бес».
Я знаю, мир наш полон загадок и чудес.

У ДНЕПРА

По мосту бежит трамвай.
Под мостом сидят бомжи,
Хлещут горький самогон
И кусают каравай.
Шумно носятся стрижи
И звенят со всех сторон

Голоса, колокола,
Лай испуганных собак,
Крики чаек, песни, смех,
Детский плач, хвала, хула...
У воды стоит рыбац,
Но не смотрит он на всех

И не слышит ничего.
Он глядит, как облака
Проплывают под водой.
Будто в сердце у него
Бесконечная река
Убегает в мир иной.

***

Мне машет на прощанье занавеска,
Оставленная сухонькой старушкой
В деревне, ставшей юным буйным лесом,
Где звери по неведомым дорожкам

Бегут к пруду – в русалочье пространство,
И яблоком в траву ложится осень.
Прости, прощай – вдыхаю ветер странствий,
Что перекрёсток трёх дорог приносит.

Глухие провода молчат уныло.
Вдоль линии столбов бреду к востоку.
Разлит манящий запах чернобыла –
Людского беспокойного потока.

***

Мартовские улицы продрогли.
Ветер завывает, кружит вьюга.
Брызги акварели на сугробах –
Жёлтые мимозы прямо с юга.

Оживает улица пустая.
Шумная река прохожих льётся,
Как во сне букеты покупает
И несёт как маленькие солнца.

***

Мороз трещит, и девочка
Бежит по длинной улице.
И каблучки усталые
Стучат по снегу скользкому.

И улетает времечко.
И плечики сутулятся.
И мысли запоздалые –
Из детства отголосками.

Картиночки, картоночки...
Всё мается, сердешная, –
И гнёздышко не строится,
И уплывают денежки.

Вдруг кто-то чиркнет спичками,
Согреет руки мёрзлые:
"Почто, метели, хнычете,
Ревёте ветры грозные».

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Старушка седая под нос напевала.
Лоскутное шила себе одеяло.
«Тик-так» говорили часы, нафталином
Квартира пропахла, и вечер был длинным.

Раскроены старые юбки и платья.
Цветастые горы на низкой кровати.
Лоскут цвета неба, в полоску и клетку,
В горошек и с райскою птицей на ветке...

В зелёном бежала к семи на работу.
До вечера цифры, бумаги, расчёты.
В лиловом на свадьбе у сына плясала.
И слёзы ручьями под звоны бокалов.

Цветной сарафан помнит лето и море,
Где чайки кричали на синем просторе.
С огромными алыми маками платье...
Спешила к внучатам, раскрывши объятия.

Бывали мгновенья – летело всё к чёрту.
Но мрачные краски из памяти стёрты.
Старушка, забывшись, на стуле дремала,
Ей виделись сны без конца и начала.